

Кузбасская государственная педагогическая академия
Пионерский пр., 13, Новокузнецк, 654027, Россия
E-mail: ilichsteel@mail.ru

ИНТЕРЕСЫ РАБОТОДАТЕЛЯ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

В основе статьи – результаты социологического исследования «Политические интересы современных российских работодателей», проведенного кафедрой общей экономической теории Кузбасской государственной педагогической академии (г. Новокузнецк). Наряду с эмпирическим материалом об участии работодателей в региональной политике, статья содержит понятийный аппарат и проблематику социальных отношений.

Ключевые слова: работодатель, наемный работник, региональная политика, политический интерес, социальные отношения, социальные связи, свобода, согласие, конфликт.

Региональная политика, как система принципов, целей и отраслевых мер по управлению внутригосударственными территориями (регионами), первоначально была теоретически обоснована в экономической географии 1920–1930-х гг. на основе идей рациональной организации пространства. В советской науке тема изучалась с позиций экономического детерминизма и обычно сводилась к рациональному размещению производительных сил. Лишь с 1970-х гг. понятие «региональная политика» стало широко применяться в научных исследованиях (Н. Н. Некрасов, Э. Б. Алаев, Б. С. Хорев, М. Н. Межевич).

В научной литературе оценка региональной политики как инструмента управления и регулирования хозяйства является общей для всех определений. Однако часто авторы подобных определений обходят вопрос о *движущих силах* региональной политики, ее *генезисе*. В связи с этим целесообразно дать не только теоретическое обоснование перестройки сложившейся за многие века строго очерченной иерархической «административно-командной» системы управления страной и ее регионов, но и выявить достаточно серьезные *политические силы*, считающие данный регион зоной своих интересов.

Работодатели, как бесспорно наиболее активная часть населения, составляют серьезную политическую силу. По определению Федеральной службы государственной статистики, группа занятого населения, выполняющая работу в собственном деле на свой риск и привлекающая для работы наемных работников, называется «работодателями», на научном языке – предпринимателями, владельцами предприятий, бизнесменами¹.

В настоящее время бизнес по праву превратился в самостоятельный субъект не только экономической и социальной, но и политической жизни страны. Тем не менее наблюдаемая инертность, аномия современного работодателя, его относительно слабое участие в модернизации всех сфер деятельности и кажущаяся политическая «незаинтересованность» в расширении и обновлении хозяйственного механизма не способствуют развитию как отдельного региона, так и страны в целом.

¹ Бизнесмен (от англ. *business* – дело) – деловой человек. Предприниматель – человек, занимающийся предпринимательской (организаторской) деятельностью. Предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой страх и риск деятельность, направленная на получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке (ст. 2, ч. 1 Гражданского кодекса РФ и Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» от 25 декабря 1990 г.)

Интересы современных российских работодателей в социологических публикациях концептуализируются как презентация новых групп и слоев, являющихся либо субъектами (активными акторами) реформ, либо адаптирующимися к ним и / или страдающими от них [1].

При таком подходе работодатели интерпретируются как слой, который, словно «локомотив» социально-экономических трансформаций, наиболее заинтересован в развитии либеральных реформ, обладает средствами и возможностями реализовать свои интересы в данной ситуации. Ю. А. Левада утверждал, что общество не может существовать без «предпринимателей», структурирующих «человеческий материал» и поддерживающих поведенческие и символические образцы в области экономики [2]. Существованию предпринимателей (работодателей) придается универсальный и аподиктический характер, хотя ввиду своей малочисленности и труднодоступности они, как правило, не попадают в «выборку» социологического исследования. «Подлинными предпринимателями превращаются в трудноуловимую тень», – замечает В. В. Радаев [3]. Социальная группа предпринимателей обладает фактическим бытием, утверждает Ю. Л. Качанов, но предприниматели *не присутствуют* в социологическом опыте: понятие «социальная группа предпринимателей» означает *присутствие*, которое *отсутствует* [4].

Современное состояние и перспективы социально-экономического развития России во многом определяются характером отношений между государственными органами и нарождающейся социальной группой бизнесменов, предпринимателей. Однако не меньшее значение имеют процессы и отношения внутри самой предпринимательской среды. Деловое партнерство и конкуренция, взаимное доверие и враждебность выступают важными факторами деловой активности предпринимателей, формирования их политических интересов.

Хронологически рекрутирование современных российских работодателей выглядело следующим образом: «фарцовщик», кооператор, индивидуально-частный предприниматель (ИЧП), предприниматель-бизнесмен.

«Фарцовщик» как предтеча современного работодателя, думается, сыграл свою роль в его становлении, и не учитывать этого фактора было бы некорректно.

Несмотря на попытку последней советской правящей элиты с принятием закона «О кооперации» внести в социально-экономическое развитие страны легальный элемент заинтересованной предприимчивости отдельных граждан, в России оставался только один субъект в качестве работодателя – *государство*. Кооперативы в «перестроечный» период не смогли сыграть ту социально-политическую роль, которая им отводилась. Отсутствие культуры кооперативной деятельности, несоответствие реальных целей многих кооперативов сути кооперативных отношений и многое другое привели к тому, что в середине 1991 г. новая кооперация вступила в этап свертывания и перерождения кооперативной формы.

1991 г. – начало легитимного перехода к рыночным – товарно-денежным отношениям. Официально декларируется приоритет развития частной собственности. Создаются ИЧП, по особой форме проводится приватизация государственной (общенародной) собственности.

Однако шаги по созданию класса предпринимателей (работодателей) путем приватизации общегосударственной собственности не привели, да и не могли административным путем привести к желаемому результату, не сформировали политический и, прежде всего, *нравственно-волевой потенциал* работодателей, заинтересованных в развитии эффективной инновационной экономики страны.

Исходя из «собственности» как критерия становления работодателя и формирования на этой основе его нравственно-волевого потенциала следует различать работодателя, частного собственника, обладателя капитала посредством затрат собственных физических и интеллектуальных усилий, т. е., как это ни странно будет звучать, *работодателя на «трудовом» капитале*². Как правило, это работодатель малого и частично среднего бизнеса, имеющий свой механизм реализации интересов в региональной политике.

² В классическом виде это частная собственность на небольшой участок земли – «западноевропейская парцелла», где мелкий собственник на землю, по необходимости, должен был постоянно заниматься восстановлением, улучшением, применением новой техники и технологии, одним словом – инновацией. Таким образом, инновация генетически присуща индивидам социума с частной собственностью на землю, которой в России никогда не существовало.

Другой тип работодателей, распоряжающихся капиталом, не являющимся результатом их собственных физических, интеллектуальных, организационных усилий, можно в некоторой мере определять как «работодателями по найму», т. е. *работодатель на приватизированном капитале*. Частично это средний бизнес, а в основном – крупный.

Предприниматели, как считают З. Т. Голенкова и Е. Д. Игитханян, «...при всей предрасположенности к избранной деятельности, до конца не уверены в реальностях и гарантиях выживания не просто физического, но и статусного, поэтому готовы принять действия и поддержку государства, законов в этом отношении» [5. С. 36].

Автор статьи осенью 2010 г. провел анкетный опрос 227 представителей малого бизнеса Новокузнецка:

Пол	Возраст				
	18–25	25–35	35–45	45–55	55–65
мужской	11	26	27	5	3
женский	54	65	28	8	

С этой целью была разработана анкета из 33 вопросов по трем разделам. Практическую помощь в технической обработке материалов опроса оказали студенты Новокузнецкой государственной педагогической академии. Кроме того, методом вторичного анализа изучены журнальные публикации за 1991–2010 гг. по проблемам политического участия работодателей и их влияния на региональную политику. Некоторые материалы исследования и составили основу данной статьи.

Прежде всего, отметим отношение предпринимателей малого бизнеса к своей деятельности. Занятие бизнесом у большинства предпринимателей (68,9 %) продиктованы желанием иметь достаток лично для себя и семьи. Основной профиль деятельности – это торговля и услуги. Следует заметить, что 20,2 % респондентов предпочли не называть профиль своего дела. Из причин, мешающих успеху в предпринимательской деятельности почти половина респондентов назвали коррумпированность чиновников – 49,1 %.

Непосредственное политическое участие работодателей становится звеном в механизме перевода социальных интересов на политический уровень, однако следует различать уровень самих работодателей: федеральный, региональный и муниципальный (который в принципе соответствуют выше обозначенному нами: крупному, среднему и малому бизнесу).

Опрос показывает, что на муниципальном уровне политики, где практически нет интересов «воротил» современного бизнеса (напомним, капитал которых – это приватизированная собственность), представители среднего и малого бизнеса не рвутся в политику. Свыше $\frac{2}{3}$ респондентов ответили, что не намерены «лично в ближайшие 2–3 года включиться в политику и быть на виду у населения», и только 8 % опрошенных готовы войти в сферу публичной политики.

Однако анализ документов выборных компаний в органы региональной и муниципальной власти показывает, что вопреки результатам опроса большинство кандидатов в органы региональной и местной власти – это представители бизнеса³. В связи с несоответствием намерений работодателей наиболее заинтересованных в развитии либеральных реформ, возникает вопрос о причине несоответствия. Думается, причина в том, что избиратель, в момент голосования, пока отдает предпочтение (свой голос) крупным хозяйственникам, руководителям акционерных обществ с большим числом «занятых» (наемных работников).

Основной объем производства продукции в регионе сконцентрирован в мега / корпорациях мирового уровня: «Евраз Групп», «Объединенная компания “Российский алюминий”» (ОК «Русал»), «УГМК-Холдинг», «Сибирская угольная энергетическая компания» (СУЭК), «Стальная группа “Мечел”», «Северсталь-групп», «Mitall Steel». Политический интерес работодателей федерального уровня, по существу единоличных хозяев данных корпораций, в основе своей совпадает с интересом региональной власти и Федеральным центром – сохра-

³ Так, в выборной компании в Новокузнецкий совет народных депутатов из зарегистрированных 105 кандидатов более 36 % – представители бизнеса (газ. Новокузнецк. 2006. № 36. 14 сент.).

нение статус-кво. Как крупный бизнес, так региональная власть заинтересованы в социальном спокойствии региона, недопущении любыми средствами социальной напряженности.

В то же время крупный бизнес федерального уровня осуществляет перевод крупнейших промышленных предприятий региона (например, ЗСМК и КМК) с экстенсивного пути развития на интенсивный, посредством, в основном, сокращения персонала, увеличивая тем самым уровень безработицы⁴.

Несколько иная позиция работодателя, утвердившегося на «трудовом» капитале. Конечно, главная политическая задача та же, что и у первого, – легитимация собственности, но не имеющейся в его распоряжении, которая субъективно воспринимается частной как само собой разумеющееся, а легитимация собственности как *социальной ценности*.

Одним из основных и существенных, по нашему мнению, идейных (духовных) тормозов на пути легитимации частной собственности в России является православный догмат о богоизбранности *нищих*, в то время как западные европейцы, прежде всего протестанты, руководствуются идеей о богоизбранности *богатых*. Протестантизм опирается на постулат спасения тех, у кого «тугой кошелек», а православие утверждает, что спасутся те, у кого собственность отсутствует, т. е. нищие. Поэтому говорить о скором возведении частной собственности в ранг социальной ценности, принимая во внимание отсутствие «классического собственника» и низкий уровень толерантности у российской ментальности, пожалуй, преждевременно, несмотря на ее юридическое оформление в основном законе (Конституции) РФ.

Провозглашение приоритета частной собственности общественной и юридическое ее закрепление в основном законе страны не делает человека полностью свободным. С целью удовлетворения фундаментальных потребностей (голод, любовь, признание) местный и региональный работодатель как человек социально *связан* с другими, а профессионально, конечно же, он напрямую *зависим* от потребителей его товара и услуг. Тем не менее местный работодатель в определенной степени экономически и политически свободен от влияния государственной власти. Прежде всего, он не так связан федеральной и региональной бюрократией, как работодатель федерального уровня, хотя, на первый взгляд, кажется обратное.

Нельзя не признать, что потеря собственности работодателя на «трудовом» капитале автоматически *не влечет за собой потерю социального статуса*, как в случае ее потери со стороны работодателя на приватизированном капитале. Здесь система континуума бинарной оппозиции, где, с одной стороны, юридически условной, собственность, а с другой, реально деятельностной стороны, – «живая» организация бизнеса – предоставление работы (по крайней мере, самому себе). Следовательно, региональный и местный работодатель потенциально имеет практически неограниченные возможности по выдвижению инициатив в региональной политике.

Однако следует отметить, что артикуляция политических интересов современных российских работодателей в региональной политике, преследующих только свой интерес, основанный на принципе «экономической эффективности» без учета противоположного принципа – «социальной справедливости», приводит к одностороннему социальному и политическому развитию. Думается, что не следует рассчитывать и на сознательно реализуемый принцип социальной ответственности бизнеса, о котором много говорится. Попытки искусственно построить бизнес на принципах «социальной справедливости» и социальной ответственности были и до Р. Оуэна, и после него, надо полагать, могут быть и в будущем.

Очевидно, что если работодатель в своей деятельности, будет отклоняться от прямого пути эффективности бизнеса, то неминуемо со временем он будет обойден в вопросе эффективности более целеустремленными конкурентами и, в конечном счете, «прогорит». Поэтому ослаблять силу прямолинейного движения – экономическую эффективность работодатель не может ни под каким предлогом. Тогда баланс интересов естественно образует другая, дейст-

⁴ Крупнейшие градообразующие предприятия Новокузнецка – собственность работодателя на приватизированном капитале («Евраз Групп») – на порядки сократили персонал предприятий. Из 32 тыс. работников КМК осталось менее 6 тыс.; на ЗСМК из 33 тыс. осталось менее 12 тыс. работников. Омоложение «бродяжничества» стало обыденным явлением, нормально одетые молодые люди, роющиеся в мусорных контейнерах, уже не привлекают внимания и не удивляют «приличных» горожан.

вующая в противоположном направлении сила экономической эффективности – сила справедливости социальной, противостоящая *коренному* политическому интересу работодателя.

Исходя из истории развития социальных отношений, мы видим постоянное стремление политиков привести социальные отношения к согласию, как основе поступательного развития. Но социальные отношения содержат наряду с согласием и столкновение интересов – конфликт. (Противоречивые оценки социальных отношений, как с позиции согласия, так и с позиции столкновения – конфликта, имеют место в мировой социологической традиции.)

В связи с этим следует подчеркнуть, что умиротворение социальных отношений – одна из основных, но далеко не единственная функция региональной политики. Не менее важная функция региональной политики – мобилизация социальной активности, напряженности в разрешении серьезных проблем и, в частности, занятости и инновационного социально-экономического и политического развития. Однако в ситуации повышенной активности, социальной напряженности легко меняется настрой в совместной деятельности: с положительной созидательной деятельности на конфликтную разрушительную деятельность. Поэтому включение работодателей в политику и партнерские отношения с региональной властью, в определенной мере, позволит выработать *баланс интересов* многих слоев населения, генерирующий положительную социальную напряженность.

Кроме того, непосредственное участие современных работодателей в региональной политике позволит реализовывать социальные интересы региона, преобразовывать тем самым местное самоуправление в *действительное самоуправление*, а не только в местный государственный орган и государственную службу, как в настоящее время.

Специфика становления российского капитализма отчетливо проявляется в том, что политические процессы, происходящие в нашей стране, обусловлены значительной ролью *государственно-административного ресурса*. В связи с этим первая особенность, бросающаяся в глаза при рассмотрении участия современных работодателей в региональной политике, означает *приобретение части административного ресурса как непосредственный* политический интерес работодателя, *для развития собственного бизнеса* – теперь уже как его (внутренний или) *коренной* политической интерес.

Обобщая сказанное, автор считает возможным сделать следующее выводы.

Во-первых, есть основания полагать, что, несмотря на заверения о политической «незаинтересованности», активное участие современных работодателей – представителей малого и среднего бизнеса в региональной политике продолжится. Развивая свой бизнес *не за счет* региона, а *совместно с регионом*, работодатель реализует через прямое и представительное участие социальные интересы в региональной политике. В этом и, пожалуй, только в этом случае возможна повсеместная поддержка электората кандидатов во власть от малого бизнеса и партнерские отношения с малым бизнесом со стороны как местной, так и региональной власти.

Во-вторых, способствуя региональному и местным политическим руководителям в развитии региона, посредством рационального соотношения принципов «экономической эффективности» и «социальной справедливости», гарантирующего баланс интересов большинства членов социума, работодатели тем самым *возводят частную собственность в обществе / социальную ценность*, что мы и определяем в качестве их *главного* политического интереса.

И, наконец, в-третьих. Целесообразно реализацию главного политического интереса работодателей осуществлять в обстановке *стабильности и социального порядка в регионе, как условия успешного ведения дел*, что правомерно определить в качестве *основного* политического интереса современного российского работодателя.

Список литературы

1. Заславская Т. И. Структура современного российского общества // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 7–13.
2. Левада Ю. А. Элита и «масса» в общественном мнении: Проблема социальной элиты // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 13–22.

3. Радаев В. В. Явление предпринимательства и группы предпринимателей // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития / Под ред. Т. И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 175–179.

4. Качанов Ю. Л. Социология и политика: casus «социальная группа предпринимателей» // Социс. 1999. № 9. С. 33–40.

5. Голенкова З. Т. Российский предприниматель: некоторые аспекты современной жизни // Социс. 2006. № 11. С. 29–38.

Материал поступил в редколлегию 19.07.2011

V. I. Kiselev

INTERESTS OF THE EMPLOYER IN THE REGIONAL POLICY

At the heart of article – results of sociological research «Political interests of modern Russian employers» spent by chair of the general economic theory of the Kuzbass state pedagogical academy (Novokuznetsk). Along with an empirical material about participation of employers in the regional policy, article invoice contains the conceptual device and a problem of social relations.

Keywords: employer, employee, regional politics, political interest, social relations, social connections, accord, conflict.